

УДК 821. 133. 1 – 92 Дютур. 09

А. Д. Михилёв, Е. Л. Фель

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Трактат Жана Дютура «Дела идут в ширпотребе»
(Ça bouge dans le prêt-à-porter)
как сатира на современную журналистику»**

Михильов А. Д., Фель Е. Л. Трактат Жана Дютура «Справки йдуть у ширпотребі» (Ça bouge dans le prêt-à-porter) як сатира на сучасну журналістику. Стаття присвячена розгляду книги французького письменника Жана Дютура, позначеної автором як «трактат про журналістику», але яка насправді є дошкульною сатирою на сучасну французьку журналістику. Показано, як комічно переосмислена форма трактату дозволяє за допомогою іронії, сарказму, глузування, висміяти притаманні сучасній журналістиці безпринципність, конформізм, брак загальної культури.

Ключові слова: Жан Дютур, трактат, сатира, іронія, сарказм, стереотип, модус комізму.

Михилев А. Д., Фель Е. Л. Трактат Жана Дютура «Дела идут в ширпотребе» (Ça bouge dans le prêt-à-porter) как сатира на современную журналистику. В статье рассматривается книга французского писателя Жана Дютура «Дела идут в ширпотребе», обозначенная автором как «трактат о журналистике», но которая в действительности является язвительной сатирой на современную французскую журналистику. Комически переосмысленная форма трактата позволяет писателю с помощью насмешки, иронии, сарказма осмеять присущие современной журналистике беспринципность, конформизм, недостаток общей культуры.

Ключевые слова: Жан Дютур, трактат, сатира, ирония, сарказм, стереотип, модус насмешливости.

Mikhiliov A. D., Fel E. L. Treatise of Jean Dutourd “Things going in consumer goods” (Ça bouge dans le prêt-à-porter) as a satire on modern journalism. The article deals with the book of a French writer Jean Dutourd “Things going in consumer goods”. The article is referred as “treatise on journalism” but as a matter of fact it is a caustic satire on modern French journalism. Comic reinterpreted form of treatise allows the author using mockery, irony, sarcasm to mock unscrupulousness, conformism, lack of culture typical for modern journalism.

Key words: Jean Dutourd, treatise, satire, irony, sarcasm, stereotype, mockery modus.

Книга известного французского писателя, члена французской академии Жана Дютура «Дела идут в ширпотребе» («Ça bouge le dans prêt-à-porter» 1989), носит подзаголовок «трактат о журналистике». В издательском аннотации, помещенном на внешней стороне ее задней обложки, говорится о том, что данное произведение является «единственным в своем роде», ибо оно дает ответы на вопросы, «как писать в газеты, говорить на радио и телевидении, как сделать карьеру» в средствах массовой информации, как преподносить мир публике и навязывать ей не только «определенную философию, но и определенный язык». В силу этого «Дела идут в ширпотребе» – это нечто большее, чем учебник, это – Библия».

Явно имитирующая в своем аннотации стиль популярных опусов типа «Как стать миллионером», «Как разбогатеть за сто дней» или «Как преуспеть в жизни» и т.п., книга «Дела идут в ширпотребе» по сути своей является язвительной сатирой на современную журналистику во всех сферах и формах ее

деятельности. Она написана со знанием дела, поскольку Жан Дютур имел многолетний опыт журналистской работы и в самых известных парижских газетах («Фигаро», «Франс – Суар»), и на телевидении.

О масштабе его журналистского опыта красноречиво свидетельствуют несколько сборников его газетных публикаций: «О Франции как страсти» («De la France considérée come une maladie»), «Бестолковый социализм» («Le socialisme à tête de linotte»), «Семилетие тощих коров» («Le septennat des vaches maigres»), «Глупейшие в мире левые» («La gauche la plus âte du monde»), «Призрак розы» («Le spectre de la rose»), «Дневник чумных годов. 1986–1991» («Journal des années de peste. 1986–1991.»), «Век погасших огней» («Le siècle des lumières éteintes») [5]. Как писал он сам в предисловии к предпоследнему сборнику, в течение многих лет поставляя в газеты заметки, в которых с невинным видом высказывал свое «мнение о политике, нравах, современной жизни, истории», он даже приобрел репутацию полемиста или

памфлетиста [4:7] и, добавим, столь широкую, что его многочисленные недоброжелатели часто использовали его славу полемиста, чтобы умалить его значение как писателя.

Многих критиков раздражал стиль полемических заметок Дютюра, отличавшийся язвительной насмешливостью его суждений о событиях во Франции и в мире, насмешливостью, присущей, как он замечает в том же предисловии, «скорее склонностям его характера, чем философским убеждениям» [4:12]. Почитатель высоких гуманистических и демократических традиций эпохи Просвещения, поклонник насмешливого галльского остроумия, он критически относился ко многим явлениям современной ему действительности, зараженной, как он считал не без основания, разрушительным духом псевдонаторства и псевдореволюционности, конформизма и торгашества [см.: 1:7–22].

Насмешливо-критический склад его ума, ярко проявился уже в одном из первых его романов «Свежее масло, или Десять лет из жизни одного молочника» – острой сатире на коллаборационизм с немецкими оккупантами определенной части французского общества в период Второй мировой войны [2:35–40], а затем в целой серии таких жанров, как сатирико-иронические сказки («Простофили» – «Les Dupes»), сатирические моралиты («Конец краснокожих» – «La Fin des Peau-Rouges»; «Закат волков» – «Le Crepuscule des loups»), саркастические эссе («Школа глупцов» – «L'Ecole des jocrisses»; «Счастье и другие идеи» – «Le Bonheur et autres idées»), язвительный «учебник» для авторов анонимных писем («Друг, который желает вам добра» – «Un ami qui vous veut du bien»). К этой категории с полным основанием можно отнести и трактат о журналистике.

Трактат состоит из шестнадцати глав, каждая из которых затрагивает одну из сторон журналистской профессии, и приложения, завершающего книгу в виде «Письма господина Жоржа Аннетона, профессора Школы журналистики, автору данного произведения». Модус насмешливости заявлен не только в названии трактата, где журналистика подается как сфера ширпотреба или, точнее, готового платья (*rêt-à-porter*), но и в названиях глав, где наряду с серьезными («Общие замечания», «Принципы журналистики», «О культуре», «О Франции», «О литературной критике»), бросаются в глаза главы с явной сатирико-юмористической коннотацией:

«Мир Коко», «Сентиментальный километр», «Мэтры страшилок», «Двадцать пять великих книг журналиста», «О кое-каких элегантно-стях стиля», «Не говорите ... Говорите»). Комическая интенция звучит и в завершающем трактат письме профессора Школы журналистики, фамилия которого (Hanneton) означает «майский жук» и «вертопрах». Понятно, что профессор с именем Жорж Вертопрах вряд ли может быть воспринят всерьез.

Пафос сатирической насмешливости пронизывает все содержание трактата о журналистике. Жан Дютюр обладает подлинным талантом представлять в смешном виде стереотипы и штампы современного мышления путем их сгущения и подачи в неожиданном ракурсе, то есть в некоем, используя выражение Б. Брехта, остраниии. Этот принцип просматривается уже с первых строк первой главы «Общие замечания», название которой предполагает серьезно-деловое изложение положений о журналистике, ее общественной роли, ее задачах и функциях.

Однако тональность изложения несколько отличается от привычного стиля подобных сочинений. Писатель начинает с насмешливой сентенции:

Читатель – это ребенок. Газета, радио, телевидение – его три бабушки. Радио и газета – бабушки поутру; телевидение – бабушка по вечерам. Утренние бабушки рассказывают ему о мире, вечерняя бабушка рассказывает ему сказки, чтобы он крепко спал. Предназначение стариков – запугивать малышей, а затем их успокаивать. То, что они рассказывают – страшно; мир, который они описывают – это пещера, полная волков, убийц, трагедий, несчастий. Но тут же, одним своим присутствием, они снимают эти устрашающие видения. «Пока я буду здесь, – дают они понять своим спокойствием и доброй улыбкой, – тебе нечего бояться. Между тобой и твоей судьбой стою я». Журналист – бабушка рода человеческого [3:11–12].

С журналистики, представленной подобным образом, снимается ее серьезность, ее претензия на четвертую власть, она низводится на уровень поставщицы назидательно-терапевтических сказок для малышей, больше всего любящих бесконечное повторение знакомых для них сюжетов, образов и выражений. Но если бабушки осознают это инстинктивно, то журналистов, замечает Дютюр, в школах журналистики и на факультетах этому абсолютно не учат. Развивая далее

метафору, «журналист – бабушка рода человеческого», писатель иронически апологизует миссию журналистов, которым надлежит, подобно бабушкам, не просто «моделировать мир, но и сохранять «с помощью магии своих слов» его вечный образ» [3:13]. Предлагаемый трактат как раз и предназначен помочь начинающему журналисту овладеть своим столь социально ответственным ремеслом.

Трактат о журналистике, как и положено такого рода сочинениям – наставлениям, начинается с рассуждений об общих принципах данной профессии и царящих в ней нравах. Прежде всего, Дютур обозначает мир журналистики как специфический мир «стариков» (в оригинале «Le monde de Coco»). Слово «коко» во французском языке имеет множество значений. Это и кокосовый орех, и яйцо, и ласкательное «мой цыпленок», и голова или башка, а в разговорном – «тип, субъект», «кокаин» и даже «коммунист» с пренебрежительным оттенком.

Во французскую журналистику оно, по мнению Дютура, вошло с легкой руки легендарного издателя и главного редактора популярной французской газеты «France – Soir» («Вечерняя Франция») Пьера Лазарева. Так Лазарев обращался к своим ближайшим помощникам и секретарям с присущей ему добротой, чтобы не ошибиться случайно в именах своих служащих. Со временем через его сотрудников, разошедшихся по многим редакциям парижских газет, слово «коко» получило широчайшее распространение в журналистской среде, поскольку заключало в себе богатое семантическое содержание. Прежде всего, замечает Дютур, в нем кроется близкое сердцу каждого человека чувство превосходства, более того, «самая утонченная (и, следовательно, самая пьянящая) форма превосходства: превосходство доброжелательное, которое самоотрицается в момент демонстрации». «Коко» (равнозначное нашему «старик». – *А. М., Е. Ф.*) дает понять, что говорящий намного превосходит своего собеседника, поскольку применяет к нему родовое наименование, но в тоже время из-за интеллигентности не показывает этого, поскольку газета – это «большая семья» (вариант: «команда»), в силу чего все ее члены равны и потому что «это не всерьез» [3:27–28].

Последняя формула – «это не всерьез» – постоянно возникает в речах журналистов, это, согласно Дютуру, своего рода пароль

журналистского братства, код чести, моральный постулат, при помощи которого журналисты судят об окружающем мире и прежде всего о публичных лицах, которых они интервьюируют. Чтобы понравиться берущему интервью журналисту, необходимо убедить его, что вы не принимаете себя всерьез.

«Коко» («старик») всегда содержит в себе предельный подтекст, и чаще всего это форма покровительственно-пренебрежительного отношения вышестоящего к подчиненному, позволяющая ему давать последнему советы, отговаривать его, журить, лимитировать его полномочия или подчеркивать его некомпетентность. Дютур приводит красочную иллюстрацию подобных отношений, весьма характерных для редакций массовой медиа. Например: заведующий отделом поручает сотруднику подобрать удачную фотографию к определенному материалу или, другой вариант – придумать броское название к статье. Представшему перед ним через полчаса с результатами своих поисков сотруднику заведомо, с очками на лбу и затуманенно-пренебрежительным взглядом близорукого человека, которого оторвали от работы, бросает: «Это не клеится, Коко!», другими словами: «Это не привлекает внимания, в этом нет ничего такого, что могло бы удивить публику, чтобы она ощутила «удар под вздох» [3:30]. То есть речь идет о характерной черте современной журналистики – сенсации или так называемом информационном поводе. Причем информационный повод, предпочитаемый журналистами, это чаще всего события из сферы скандальных происшествий или несчастных случаев. Современного журналиста скорее привлечет очередной развод какой-нибудь поп-знаменитости или ее заявление о том, что она похудела на столько-то килограммов или нашла нового бой-френда, чем масштабный поэтический вечер, проведенный региональной библиотекой или заявление какого-нибудь национально-культурного общества о нарушении его языковых прав.

«Удар под вздох», саркастически замечает писатель, это заветная мечта журналистов, людей в принципе мирных и избегающих вмешиваться в сцены насилия, чтобы остаться в живых, так как им надо будет их описать. Вторая мечта журналистов – смещение правительства, заразительный пример чего дали два американских журналиста из «Вашингтон Пост», раздувшие уэтергейтский

скандал, который вызвал отставку американского президента Никсона. И не важно, что это привело к печальным для страны последствиям, главное – подвиг двух мелких бумагомарак, сваливших могущественнейшего в мире человека. Фундаментальный принцип Коко, их постулат веры, опровергающий все их поступки, даже самые предосудительные – это фраза «Публика имеет право знать».

Правда, – иронизирует Дютур, – неизвестно, кто выдумал это право. Мы не думаем, что это выдумала сама публика, которая скорее считает, что ей слишком много говорят и которая испытывает желание заткнуть уши, подобно обманутому мужу, которому доброжелатели любой ценой стараются сообщить о его несчастье [3:30].

В этом отношении, развивает далее свою насмешку писатель, журналисты очень похожи на врачей и автомехаников, которые, руководствуясь наполовину присущей им извращенностью, а наполовину коммерческим интересом, спешат сообщить своим клиентам об опаснейших неполадках в их организме и чреватых катастрофой неполадках в их автомобиле. И те, и другие прекрасно знают, что люди охотнее всего платят за сведения о несчастьях, а лучше всего продается газета, полная угроз.

Один из первых советов начинающим журналистам – не скромничать и ничего не бояться, поскольку их великие предшественники «озарили» парижские и провинциальные газеты “вспышками стиля и эрудиции” [3:16], достойными подражания. В качестве таковых Дютур приводит шокирующие «перлы» журналистского невежества и вольного обращения с историческими фактами. Так, например, «блестящий критик» Жюль Жюлен из газеты «Débats» «не побоялся показать нам Карла Великого участником великой эпопеи крестовых походов» (заметим, что Карл Великий жил в IX веке, а крестовые походы относятся к XI–XIII в.в. – А. М., Е. Ф.); Абельра (1079–1142 – А. М., Е. Ф.), преследуемого Людовиком XI (1423–1483 – А. М., Е. Ф.), то есть временной разрыв здесь составляет свыше трехсот лет; Рону, протекающую через Марсель (в действительности, более чем на сотню километров западней); бессмертный отец французской прессы Франциск Сарсей во “Французском мнении” за 24 октября 1859 года восклицал: «Анри неистово требует свои письма – его же посылают от Понтия к Пилату» [3:16]. Последний «перл» в комментариях

не нуждается, ибо всем хорошо известно, что исторический Понтий Пилат – прокуратор Иудеи, одобрявший казнь Иисуса Христа, представлял одну личность и никогда не раздваивался на Понтия и Пилата.

Обстоятельный срез культурно-образовательного уровня служителей современной журналистики дан Дютуром в четвертой главе трактата, которая называется «О культуре» [3:47–58]. Как и предшествующие главы, она окрашена ярко выраженной иронической насмешливостью, о чем свидетельствует уже само начало. «Когда вам предстоит говорить о культуре, – обращается писатель к воображаемой журналистской аудитории, – необходимо процитировать следующий афоризм: «Культура – это то, что остается, когда все остальное забыто». Вы можете добавить «как говорил президент Эрио (Herriot), но это не рекомендуется по двум причинам: а) нет уверенности, что эта максима принадлежит ему; б) ее так часто цитировали, что она превратилась в поговорку [3:47].

Чтобы не обескуражить журналистов подобным затруднением, Дютур предлагает им свое базовое определение культуры (которое, заметим в скобках, одновременно является насмешкой над их культурным уровнем): «...культура – это своего рода интеллектуальное облако, состоящее из приблизительных реминисценций и крох случайно схваченных (attrapées) знаний. Она принципиально выражается через посредство аллюзий, что представляет двойное удобство: нет необходимости знать то, на что ссылаешься и одновременно предстаешь настолько ученым, что используешь свой научный багаж лишь для украшения своего «дискурса» [3:48].

И далее он набрасывает яркую и забавную палитру многочисленных штампов, базирующихся на случайно схваченных названиях популярных литературных и кинематографических произведений. Так, например, название книги М. Фроссара «Бог существует, я его встретил», привело к тому, что почти все газеты ежедневно стали помещать статьи с названием типа «Пингины существуют, я их встретил», а название романа Жана – Луи Бори «Моя деревня в немецкие времена» (Mon village à l'heure allemande) с тех пор «не прекращает звучать, – язвительно замечает Дютур, – в тысячах газетных колоннок: Москва «во времена Горбачева», Америка «во времена Рейгана», Великобритания «во времена Тэтчер», Египет «во времена Садата

(после того как был «во времена Насера»), а потом «во времена Мубарака» и даже Тегу-альпа «в американские времена» [см.: 3:49].

Именно «названия книг и фильмов, – постулирует далее автор трактата, – формируют базу культуры» [3:49], поскольку они в полной мере отвечают определению президента Эрио: только они и остаются в памяти после того, когда их содержание или забыто, или неизвестно журналисту. В числе наиболее продуктивных названий для образования журналистских штампов фигурируют «Скромное очарование буржуазии» Бунюэля (скромное очарование местных выборов, национализированных банков, даже атомных испытаний); фильм «Счастливые цыгане» (счастливые калеки, счастливые паралитики, счастливые заложники, вплоть до счастливых убийц); «Падение дома Ашеров» Э. А. По (все виды коммерческих и политических падений); «Ностальгия больше не такая, как была» (все уже не такое, каким оно было: Австралия, океаны, моря, шоколадные эклеры, гусиная печень, хлеб и т.п.).

Дютур выделяет десятку наиболее продуктивных для производства журналистских штампов названий фильмов и книг, породивших, по его подсчетам, сотни газетных заголовков и клише. Это «Гражданин (в английском варианте «Citizen») Кан»; «Жизнь, способ употребления» (например, «амбиция, способ употребления»; «предательство, способ употребления»; «Елисейский дворец, способ употребления»); «Женщина под влиянием» (любой город, любое учреждение, любое блюдо может быть под влиянием); «Невыносимая легкость бытия»; «Если бы мне рассказали о Версале» (об ООН, бюджете, телевидении и т.п.); «Пока будут люди» (книги, деревья, налоги, женщины легкого поведения, ...); ««Кадиллак» из массивного золота» (репутация, человек, ситуация ...); «Две-три вещи, которые я знаю о ней» (удобная форма дать понять, что пишущий знает гораздо больше о ком-нибудь или чем-нибудь, чем говорит); «Герои устали» и сопутствующая уставшим героям «Горькая победа» странным образом произвели переоценку ценностей: славными, поучительными, заслуживающими теперь предстают не победа, подвиг или герой, а поражения и побежденные; «Хлеб, любовь и фантазия», которые в различных сочетаниях дают богатейшие возможности для броских заголовков

типа «драгоценности, любовь и исправительная колония».

В заключение автор добавляет еще два названия, на долю которых выпала «исключительно долгая и славная карьера: «На Западном фронте без перемен» и «Шесть персонажей в поисках своего автора». После семидесяти лет можно все еще формулировать заголовки вроде «В национальном образовании ничего нового» [3:54–55]. Насмешливую оценку культурного уровня журналистского сообщества завершает красноречивый штрих. Профессор Школы журналистики в письме автору трактата, упрекая его в ретроградстве, снисходительно вопрошает:

Так какова же ваша цель? Каковы образцы? Возвращение к стилю Вольтера, который, конечно же был прав, написав «Хромого дьявола», непреходящее, не отрицаю, свидетельство своей эпохи, или к стилю Стендаля, бессмертного автора «Утраченных иллюзий»? [3:177].

Профессор Жорж Аннетон явно не знает, что «Хромой бес» принадлежит Лесажу, а «Утраченные иллюзии» Бальзаку...

В главе об основных принципах журналистской деятельности, Дютур использует тот же принцип насмешливо-иронической назидательности и комментирования. Первый принцип, которому должен следовать журналист, желающий заслужить уважение в своей среде, это умение придавать любому материалу двухуровневое содержание, поскольку журналист адресует его двум публикам. С одной стороны, его читатели, слушатели или телезрители, которые, иронизирует автор трактата, ничего не понимают, а с другой – собратья по перу, которые, из присущего им коварства, прикидываются, что видят в нем некий скрытый смысл. Поэтому им надо дать понять, что ваши статьи написаны «во второй степени» и, черт побери, их надо «читать между строк». Что же касается определения того, что же значит писать «во второй степени», никто никогда не мог дать удовлетворительного ответа. В сущности, «второй уровень» проявляется в некоей едва уловимой двусмысленности текста, чаще всего доступной только пишущему, но которая избавляет его от упреков в «непростительной наивности», «закрывает самые саркастические рты» и дает журналисту «репутацию человека слишком интеллигентного, чтобы чему-либо верить» [3:36].

Если вы не хотите прослыть простаком, иронизирует автор, нельзя терять бдительность, чтобы в порыве откровения или охватившего вас чувства справедливости не написать о чем-нибудь в «первой степени», ибо даже если ваш материал получится ярким и убедительным и вызовет у вас законную гордость, ваш собрат не пренебрежет уязвить вас. Хорошо зная журналистские нравы, Дютур очень точно показывает, как это происходит:

Отлично сделан твой материал, – скажет он с улыбкой гиены. – Конечно, его надо читать во «второй степени», иначе это будет набор глупостей. Снимаю шляпу перед твоим трюком!» [3:36].

Второй принцип гласит, что журналист должен убедить читателя или зрителя, что он выше их, что он держатель неких таинственных и глубоких знаний, недоступных простым смертным и что лишь ему ведомы секреты современного языка, без которого нельзя ничего понять в современном мире. Для этого, успокаивает Дютур, не требуется особого прилежания в учебе или в размышлениях, а достаточно использовать некоторые языковые обороты, которые легко усвоить, и вставить несколько слов, смысл которых непонятен для простых людей.

Образцы подобных выражений Дютур дает в пятнадцатой главе [3:155–160] «второе дыхание», «время убийц», «Бермудский треугольник», «ключевой вопрос», «под ключ», «буквально» (буквально сметенный бомбой; буквально порубленный на куски; буквально переполненный театр), «эффект» (эффект Горбачева; эффект Барра); «другое измерение», «закон джунглей», «смешное больше не убивает», «иные времена, иные нравы», «над чем смеемся?» и т.п. Что касается непонятных слов, то это в основном американизмы и неологизмы, дублирующие традиционные понятия типа «дискурс», «промоутер» (рекламщик), «коуч» (тренер, наставник), «джекпот» (большой выигрыш), «визионер» (пророк), «консюмеризм» (потребление), «креативность» (воображение), «лейбл» (этикетка), «бэдж» (значок, обозначение), «деонтология» (мораль), «менеджер» (администратор), «эмблематичный» (примерный, образцовый) и т.п. Обстоятельный список таких слов дан в шестнадцатой главе «Не говорите ... говорите» [3:161–174].

Согласно третьему принципу, в журналистской среде левополитическая ориентация

считается признаком элегантности, принадлежность же к правым (консерваторам) смехотворна, ибо консерватизм – это своего рода болезнь, вызывающая у нормального человека, то есть человека левых убеждений (синоним: прогрессивного), смешанное чувство жалости и отвращения, подобное тому, которое здоровое существо испытывает при виде несчастных больных. Для того, чтобы быть «левым» совсем необязательно иметь левые убеждения, для этого достаточно вставить в свои статьи несколько легких намеков или прилагательных, которые покажут знатокам, что «вы принадлежите к священной когорте людей доброй воли, работающих для лучшего будущего» [3:39]. Поэтому, насмешливо советует Дютур, никогда не следует говорить (писать) просто «правые», но всегда «мускулистые правые», следует также жалеть об исчезновении «классических правых» или «старых правых», состоявших из личностей, идеи которых невозможно разделять, но респектабельность которых нельзя было не признать» [3:40]. Есть и более изощренные, по мнению автора, способы внушить окружающим, что вы стоите на стороне «сил прогресса». «Левого» журналиста отличает повышенный интерес к проблемам секса, особенно гомосексуализма, и женскому вопросу (право на легальный аборт, напоминание о рабском положении женщин и т. п.), который в системе сюжетов «левых» следует сразу после педарастии.

Любопытной чертой «левого» журналиста является его готовность работать в «правых» газетах, что позволяет ему впоследствии (после принудительного увольнения или самостоятельного ухода из «правого» издания) выступить с серией разоблачительных статей о достойных сожаления нравах «правых» и их попытках посягнуть на «честь» журналиста. Частое употребление этого слова, иронизирует Дютур, производит более чем благоприятное впечатление на публику, которой приятно знать, что люди, чьи статьи она читает или чью голову видит на телеэкранах, «имеют сердце, способное биться ради благородных дел». [3:44].

Следующий важнейший принцип журналистики – это поиск Информации (с большой буквы!) – благороднейшая миссия каждого журналиста. Ее выполнение требует его непрерывного присутствия «там, где это происходит» [3:44], не взирая ни на какие опасности. Преодолевая страх, рискуя жизнью,

журналист должен добыть правду и поведать ее миру, даже если эта правда повредит людям или его собственной стране. «И не его вина, – язвительно замечает Дютур, – если общепринятая мораль «войдет в конфликт» с моралью журналистской, ибо превыше всего – «священный» «долг информировать» [3:45]. Завершает перечень принципов журналистики требование «видеть зло повсюду, так как нет невинных действий или слов» [3:45], как нет и бескорыстных людей.

Одно из важнейших достоинств дютуровского трактата заключается в том, что его насмешливо-иронический, а порой и откровенно саркастический анализ принципов, нравов и стилистических клише французской журналистики второй половины XX века выявил одновременно характерные черты, присущие современной журналистике в целом. Эта негативная типология особенно отчетливо проступает как в уже рассмотренных нами главах, так и в главах пятой – седьмой («Сен-

тиментальный километр», «Мэтры ужасного», «Планетарный взгляд».) Впрочем, даже в главах, посвященных анализу специфически французских реалий, острый взгляд Дютура улавливает общежурналистские приемы, достойные осмеяния.

Не ставя перед собой задачу детального рассмотрения всего трактата в данной статье, отметим, что в нем Дютур проявил себя как подлинный сатирик, избрав объектом своего насмешливого пафоса изъяны такого социально значимого явления, как журналистика, представляющая обширную сферу общей и политической культуры современного мира. Для этой цели он использовал жанр трактата с элементами учебного пособия, придав присущей этим жанрам рассудительно-назидательной манере повествования сатирическую и насмешливо-ироническую окраску, что позволило ему создать яркое и остроумное произведение, достойно продолжающее французскую сатирико-ироническую традицию.

Литература

1. Михилев А. Д. Жан Дютур : Литература. «Меня начнут обожать после смерти» / А. Михилев // Дютур Ж. Воспоминания Мэри Ватсон : романы, рассказы : пер. с фр. / Ж. Дютур. — Х. : Фолкен, 1999. — С. 7—22.
2. Михилев А. Д. Французская сатира второй половины XX века : социально-идеологический аспект и поэтика / А. Д. Михилев. — Х. : Вища школа, изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. — 183 с.
3. Dutourd J. Ça bouge dans le prêt-à-porte: Traité du journalisme/ Jean Dutourd. — P. : Flammarion, 1989. — 181 p.
4. Dutourd J. Journal des années de peste. 1986—1991. / Jean Dutourd. P. : Plon, 1997. — 418 p.
5. Dutourd J. Le siècle des lumières éteintes / Jean Dutourd. — P. : Plon, 2001. — 369 p.

УДК 821.161.2 Слісаренко

І. М. Шкоріна

Харківський національний економічний університет

Автобіографічне начало в художній прозі та публіцистиці О. Слісаренка

Шкоріна І. М. Автобіографічне начало в художній прозі та публіцистиці О. Слісаренка. Стаття присвячена проблемі автобіографізму у прозі та публіцистиці О. Слісаренка. Автобіографізм розглядається як домінуючий засіб поетики характеротворення, важливий чинник виявлення прихованих авторських інтенцій. Автобіографізм – особлива риса ідіостилу письменника, який у своїй творчості акцентував на проблемі духовності. Завдяки автобіографізму автор зумів дуже точно відтворити буремні революційні часи, від побутових деталей до настроїв, духовної атмосфери тієї епохи.

Ключові слова: автобіографізм, індивідуально-авторський стиль, проза, публіцистика, стаття.